

В 1966 году Литовской киностудией был выпущен фильм режиссера В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать». Он открыл зрителю поразительный актерский ансамбль. У всех занятых в нем артистов сложилась яркая творческая судьба. И у Регимантаса Адомайтиса, сыгравшего порывистого Донатаса, одного из братьев Локисов, которые организовали сплоченный отряд против бандитов-националистов, орудующих в селе в первые послевоенные годы.

С тех пор, показывая себя с наилучшей стороны, актер снимался у разных режиссеров на многих студиях, в том числе зарубежных, и ныне носит звание народного артиста СССР.

Наша беседа происходила в Государственном академическом театре драмы Литовской ССР, перед ренетницей «Дачников» М. Горького, где у актера роль Шалимова.

Разговор начался с воспоминаний детства, которое едва ли может обойти человек, если оно совпало с военным лихолетьем.

— Мне было семь лет, когда краснозвездные воины освобождали от гитлеровских захватчиков родную Литву, — рассказывает Регимантас Вайтекович. — Шел 1944 год. Мы жили тогда в Пасвалисе, неподалеку от Паневежиса. Помню, в нашем городке остановилась санитарная часть. Разбили палатки. Привезли раненых. Женщины, плача, носили им молоко. Нам, детям, было интересно и страшно. Утих фронт, все уехали. Осталось огромное поле, засеянное белыми окровавленными повязками. Это видение — алые пятна крови — часто преследует меня и теперь. Оно стучится в сердце, будоражит совесть, напоминает о моем человеческом долге перед теми, кто нас защищал.

— А как вы стали артистом?

— К этому я пришел не сразу. Вначале был физмат Вильнюсского государственного университета, защита диплома. Однако любовь к театру оказалась сильнее.

Еще в школе я играл в драмкружке, ходил на все спектакли гастролировавших в городке трупп, играл в университетском театре. И все больше понимал, что мое дело — сцена, хотя никто в нашей семье отношения к ней не имел. В общем, путь обыкновенный. Чтобы овладеть профессией, надо учиться (у меня за плечами актерское отделение вильнюсской консерватории), а потом уж, как повезет.

Адомайтису повезло. Иначе им не были бы произнесены слова: «Театр — это моя жизнь, моя любовь, это способ общения с людьми, мои современниками». Но его «везение» — не прихотливая игра случая, а талант, помноженный на немалый труд.

— Искусство всегда требует почти неправдоподобной концентрации душевных и физических сил. Но зато иногда приносит огромное удовлетворение и радость, — признается он.

— В работе с какими режиссерами вы чаще испытывали подобные чувства?

— По сцене я связан с одним режиссером, которого считаю своим учителем, — Генрикасом Ванцявичюсом, главным режиссером нашего театра. Начал у него работать после вуза в Каунасском драмтеатре. Потом он переехал в Вильнюс, куда увлек и меня. Все, что я представлял собой как актер, — от Ванцявичюса.

Ну, а в кино — это Витаутас Жалакявичюс. Я участвовал во всех его картинах, за исключением «Рассказа неизвестного человека». Режиссер очень требователен, бывает с ним нелегко, но он знает, чего хочет, и добивается в своих постановках высоких художественных результатов.

Помимо Донатаса особенно значимы еще два характера, раскрытых актером в постановках В. Жалакявичюса. Один: латиноамериканец Франциско, главный герой фильма «Это сладкое слово — свобода». В картине, чей пафос режиссер определил словами: «Политика — кровь и дело всех людей и каждого челове-

ка», Адомайтис играет патриота, следующего этому девизу вместе со своей любимой Марией (И. Мирошниченко). И пусть оба они живут, как на вулкане, но без риска, без борьбы, без мечты о победе революции для них нет ощущения полноты жизни, счастья.

Судьба Франциско будто продолжена в герое другой ленты — «Кентавры», но на более драматическом изломе событий, имевших реальную чилийскую подоплеку. Это неистовый Орlando — вопло-

щения в «Короле Лире» Регимантас Вайтекович. — Так как мечи оказались довольно большими и тяжелыми, мы решили драться на деревянных, только их покрасили под цвет стальных. Но, знаете, при первых же азартных ударах эти мечи полетели в щепки. И пришлось нам уже настоящими драться. Кто смотрел картину, находит, что дуэль получилась достаточно впечатляющей.

— А техника безопасности?

— Ничего. (Смеется). Для

Александр Фадеев говорил о его бесстрашии, о том, что в бою он, сосредоточенный на решении главной задачи, оставался в сущности таким же, как всегда — со своими приподнятыми бровями, с обычно внимательным, точно несколько удивленным выражением лица.

Я преклоняюсь перед Лазо. Но, воплотив его черты, думал о том, что героизм не надо играть как нечто заданное, как исходное условие. Это зритель должен в итоге

шистской пулей вместе с ребенком на руках... В то время люди преодолевали огромные тяготы и на фронте, и в тылу. И надо было выстоять, выжить, не сломиться. След от этой трагедии надолго остался в душе народа.

В связи с этим хочу рассказать об одном эпизоде, врезавшемся в мою память. В начале своей экранной карьеры я снимался в картине «Восточный коридор». По ходу действия мой герой, белорусский партизан, переодевается в форму эсэсовца и, выполняя сложную задачу, с риском для жизни идет к немцам. В перерывах между съемками мы забегали в буфет перекусить. Однажды к нам подошла пожилая женщина — она не знала, что перед ней актеры, — и начала на меня страшно кричать и ругаться... Наверное, ее семья сильно пострадала от войны, и была такая реакция на фашистскую униформу. А я стал тут невольной жертвой.

— Чем вы заняты сегодня?

— В театре, как вы уже знаете, репетирую в пьесе Горького «Дачники». А в кино — позади съемочный период в картине киностудии имени Горького «Досье человека в мерседесе». Там я в роли иностранного шпиона, который влюбляется в русскую женщину — ее играет Людмила Чурсина — и, порвав со своим прошлым, остается жить в Советском Союзе. Такой случай был на самом деле.

— Вы не так давно вернулись из Аргентины?

— Да, съемки в третий раз привели меня в Латинскую Америку. В Чили (еще до военного переворота, при живом Альенде) снималась часть эпизодов фильма «Это сладкое слово — свобода». В Колумбии проходили съемки «Кентавров». А нынче в Аргентине во главе с литовским режиссером Альмантасом Грикявичюсом работала съемочная группа картины «Кто убил Уго Винчери?» Она про теперешние черные деяния нацистских преступников, скрывающихся за океаном. и

в чем-то переключается с недавней историей Барбье.

— Вас любят зрители. Как вы относитесь к популярности, не мешает ли она вам в жизни и творчестве?

— Ну, знаете, не очень...

Хотя по этой причине иногда приходится отдавать время не совсем тому, чем ты хотел бы заниматься. Но такая уж профессия... видная. И всякие наши беды, неудачи, всякие наши беды, неудачи, наш брак тоже на виду у людей. Если художник нарисовал неудачную картину, он может ее не показывать. Писатель может не издавать книгу. А мы вот тут коллективно что-то натворили и, хочешь не хочешь, надо показывать. И уже зритель будет судить, насколько это хорошо или плохо.

Конечно, многое зависит и от роли. Не с каждой ролью удастся подружиться. Как в жизни ведь не с каждым человеком сходишься. А специфика кино такова: когда фильм вышел на экран, уже ничего нельзя поправить. Вот театр дает возможность что-то изменить, додумать, довести от спектакля к спектаклю. Этим он мне дорог.

— Если можно, несколько слов о вашей семье.

— У моей жены, Эугении Баерите, родственная профессия: она певица, работает в Вильнюсской филармонии. Снималась в некоторых картинах. (Телезрители могли видеть ее в роли Джой Гастелл в фильме «Смок и Малыш»). У нас трое сыновей. Подрастают трое солдат. Витаутасу 13 лет, Гедиминасу — 8, Миндаугасу — 5.

— Спасибо за беседу. Что бы вы пожелали читателям газеты?

— Всем читателям «Красной звезды» желаю всяческих успехов, воли и упорства в достижении цели, в учебе и исполнении долга. Долг перед людьми, Родиной в конечном счете самое главное.

Майор
В. МАКЕШИН.

Встречи по вашей просьбе

Регимантас АДОМАЙТИС:

ГЛАВНОЕ — ДОЛГ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

щение незамедлительного действия, носящий в своей душе и лед и пламень; правая рука Президента, он стремится быть ему опорой до самой последней минуты гибели.

— Никогда не забуду и Григория Михайловича Козинцева, пригласившего меня на роль Эдмонда в «Короле Лире». С ним было очень интересно работать, — продолжает артист ответ на вопрос.

Образ этого дерзкого честолюбца — одна из крупных удач Адомайтиса. Роль сыграл им «со злым вдохновением, уверенно и мощно», отмечал рецензент на страницах «Правды».

— Эдмонд — личность очень воинственная, он постоянно обнажает меч для схватки. Поэтому приходилось специально обучаться у преподавателя, — вспоминает о

безопасности нам шиты выдали. Можно было защищаться...

— Какую еще роль в кино вы можете назвать очень памятной?

— Порядочно, порядочно ролей сыграно. Хотя по-настоящему памятных немного. Кроме уже упомянутых, это Сергей Лазо в картине под таким же названием, снятой лет восемнадцать назад на «Молдова-фильме». Кстати, когда недавно во Владивостоке для телевидения делалась документальная лента про Лазо, меня пригласили комментировать в ней кадры, читать текст от автора. И я не смог отказаться, поскольку люблю этого самоотверженного героя гражданской войны. Это ведь о нем строка Маяковского: «в паровозных толках сжигали нас японцы».

сказать: мне показали героя.

— Ваша причастность к армии?

— Военную подготовку я проходил в университете, в армии был только на сборах, несколько месяцев. Но тем не менее у меня три звездочки, я старший лейтенант запаса. А опосредованно моя связь с воинами осуществляется с помощью искусства, которое имеет широкие воспитательные функции, несет идеи гуманизма, патриотизма, героики.

В фильмах о войне я больше играл людей гражданских. Например, в картине «Факт» — о нашей деревне Пирчюпяй, которая, подобно Хатыни, Лидице, Орадуну, была сожжена гитлеровцами, — снимался в роли крестьянина, сраженного фа-